

европа.

Сергей Чернышев

РИЗИС? ЭКСПАНСИЯ!

КАК СОЗДАТЬ МИРОВОЙ
ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР
В РОССИИ

Сергей Чернышев

**Кризис? Экспансия!
Как создать мировой
финансовый центр в России**

«Европа»

2009

Чернышев С.

Кризис? Экспансия! Как создать мировой финансовый центр в России / С. Чернышев — «Европа», 2009

Мировой финансовый кризис набирает обороты, и его последствия уже налицо. Если Россия хочет не просто пережить крупное экономическое потрясение, но и выйти на новые рубежи, ей пора действовать. В посткризисном мире у России появляется реальный шанс стать мировым финансовым центром – цель, заявленная президентом Медведевым. Но что для этого нужно делать? Авторы книги предлагают свой уникальный опыт соединения некапитализированных ресурсов и инвестиций в работающей модели нового предпринимательства. Россия располагает всеми необходимыми информационными, научными, культурными предпосылками для нового проектирования будущего. Есть лишь одно препятствие – инерция умов и привычек властвующих элит, к которым и обращается автор.

© Чернышев С., 2009

© Европа, 2009

Содержание

Глава I	5
Кризис финансовой империи США: закат или перезагрузка?	5
Тупики российской повестки дня	6
Начать с чистого листа	8
Глава II	10
Частной собственности больше не существует	10
Российский капитализм не дожил до совершеннолетия	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Чернышев

Кризис? Экспансия!

Как создать мировой финансовый центр в России

Глава I

Кризис на Западе или у нас?

Кризис в финансах или в мозгах?¹

Кризис финансовой империи США: закат или перезагрузка?

Соединенные Штаты – единственная страна в мире, обладающая полностью суверенной финансовой системой. Именно она образует фундамент их военного, политического и экономического доминирования. Наступивший финансовый обвал скорее высвечивает этот факт, чем ставит его под сомнение. Запуск новой версии американской финансовой машины потерпел неудачу, а расплачиваться за нее приходится всем зависящим от нее хозяйствующим субъектам. То есть всему миру – от Европы и Китая до сомалийских пиратов.

Крах мировых финансов вместо чаемого подрыва однополярного миропорядка скорее может послужить импульсом к модернизации и росту эффективности экономики США. Впрочем, так было и с предыдущими этапами пресловутого «общего кризиса капитализма»: каждый из них порождает эсхатологические надежды у идеологов СССР, но в результате приносит реальные инновации Западу.

Покуда сохраняется американская монополия на современные финансовые институты и инструменты, все проклятия в адрес «однополярного мира» останутся бессильными. С таким же успехом можно претендовать на роль военной сверхдержавы, не имея ядерных технологий оружия и даже не начиная собственный атомный проект. Конструкторы нового геополитического полюса обязаны создать полнофункциональную финансовую систему, составляющую альтернативу американской для глобального или регионального фондового рынка.

¹ В основе излагаемых ниже представлений – программа разработки институциональных методов и инструментов управления собственностью, которая преемственно осуществляется с 1983 года в рамках кооперации общественных, государственных, коммерческих организаций и частных лиц. За это время было осуществлено и осуществляется порядка тридцати значимых проектов. Вклад в реализацию программы внесли свыше 250 участников – исследователей, экспертов и методологов, предпринимателей, государственных и общественных деятелей. Некоторые результаты работ обобщены в серии книг, опубликованных в 1989–2007 годах.

Тупики российской повестки дня

Кризис несет в себе момент истины. Но для нее пока нет места в российской повестке дня.

Если ограничиться горизонтом экономических тем, по которым в настоящее время ведутся дискуссии в связи с концепцией долгосрочного развития (КДР), можно назвать три основные.

А) Проблема конкурентоспособности («производительности труда»)

За проблемой низкой конкурентоспособности российских компаний на международном рынке маячит другая, более фундаментальная – проблема низкой производительности.

К настоящему моменту российская экономика по основным показателям производительности только возвращается к советскому уровню конца 80-х. Однако в тот период страна отставала от соответствующих показателей развитых стран Запада как минимум в 3–5 раз. За прошедшие два десятилетия западная экономика ушла далеко вперед. И теперь, глядя правде в глаза, нужно говорить об отставании не в разы, а в десятки раз. Например, по различным показателям, отражающим удельную капитализацию компаний, отнесенную к единице мощности однотипных производственных фондов, мы отстаем, по различным подсчетам, в 10–40 раз.

Но закладываемые в КДР контрольные показатели предусматривают рост производительности к 2020 году в 2,5 раза (варианты Минэкономразвития) или максимум в 4 (требования Путина). Получается, в самом оптимистичном случае мы лишь имеем шанс закрепить свое отставание, «догнав» Запад тридцатилетней давности. И то за счет непредсказуемого фактора «инноваций» (на который, кстати, у России нет монополии).

Вызов обозначен, но ответа на него нет. Участники дискуссии не понимают природу проблемы производительности, не видят реальных путей ее повышения.

В) Проблема инвестиций

В стране существует огромный неудовлетворенный спрос на инвестиции, обусловленный экономическим ростом. Амбициозная программа институциональных и инфраструктурных реформ способна только усилить этот спрос. Все внутренние источники, даже если раскассировать резервные фонды и отозвать заграничные вклады, покроют его максимум на 10 процентов².

В управленческом и экспертном сообществе считается неоспоримым, что инвестиции могут иметь только зарубежное происхождение. К сожалению, предшествующий опыт свидетельствует, что это лекарство не только лечит, но и дает осложнения. Но главное – текущий кризис мирового фондового рынка свидетельствует: о внешних заимствованиях предстоит на время забыть. В такой постановке решение проблемы инвестиций даже не просматривается.

С) Проблема инфляции

² См. доклад медиахолдинга «Эксперт» на слушаниях в Общественной палате «Национальная финансовая система: мощь, открытость, суверенитет». Эксперт. № 16 (605). 21–28 апреля 2008 г.

Принято считать, что рост экономики и приток инвестиций разгоняют инфляцию. У органов финансового регулирования нет внятного объяснения механизмов инфляции и отсутствуют адекватные инструменты управления ею. При этом принято считать, что государственные инвестиции в большей мере чреваты инфляцией, чем вливания частных инвесторов. Крах американских инвестбанков ставит под сомнение эту гипотезу.

По заявлениям правительственных экспертов, меры государственных регуляторов по противодействию кризису ведут в конечном счете к вбросу денег на фондовый рынок и тем самым усилят инфляцию. Следовательно, она усиливается и при росте экономики, и при спаде?

Получается, против демона инфляции не существует заклинаний.

Итак, для повышения конкурентоспособности российской экономики требуются масштабные инвестиции. Однако их приход чреват неконтролируемой инфляцией. Впрочем, источники инвестиций ни внутри страны, ни вне ее на ближайшее время не просматриваются. А инфляция тем не менее уже налицо и продолжает расти. Замкнутый круг?

Отечественная экономическая мысль пребывает в тупике. И загоняет туда же экономическую политику. Правда, это беда не одних экономистов.

Начать с чистого листа

Тяжелые потери страны на переломе 90-х неоспоримы. Но есть безусловное приобретение, способное уравновесить их. Впервые у нас появилось целое сословие амбициозных, компетентных, интеллектуальных управленцев, из которых, если повезет, может быть рекрутирован новый правящий класс. Впервые за долгие годы у российского руля продвинутая, сплоченная, трудолюбивая команда руководителей, мыслящая, открытая для жизненных уроков и новых идей.

Поэтому мы можем позволить себе смотреть на мир непредвзято, называть вещи своими именами.

Программа перестройки, под флагом которой разрушалась советская система, полностью реализована. Был объявлен демонтаж коммунизма – и от него остался один Геннадий Андреевич. Предполагалось построить открытую рыночную экономику – в основном она построена, мы стали частью глобального рынка. Предполагалось, покончив с особым путем, вернуться в мейнстрим, на общечеловеческий путь развития – и вот мы уже у дверей.

Но когда мы явились с правильными документами – открытые, рыночные, демократичные, – оказалось, что в этом качестве мы никому не нужны на европейском празднике жизни. Сгоряча заговорили даже о русофобии, но едва ли это так. Нас не любят, потому что мы не предлагаем ничего конкретного и позитивного, за что нас можно было бы любить. Мы просто заявили, что намерены стать такими же, как все, разве что чуточку сувереннее. И поэтому не готовы соблюдать все правила западного распорядка...

Кроме того, вернувшись на общечеловеческий путь, мы обнаружили, что тот самый мейнстрим, связанный с глобализацией и открытой экономикой, вверг эту экономику в фундаментальный кризис. Уже начинают говорить, что он не только сопоставим, но и серьезнее Великой депрессии, такого масштаба и скорости крушения столпов рыночной экономики 1929-й не знал. На глазах рухнула вся система крупнейших американских инвестбанков, кризис распространяется на банки Европы. Утром мы узнали об этих проблемах из Интернета, а к обеду выяснилось, что теперь они и наши тоже.

При этом в происходящих процессах все более проступают некоторые черты того хозяйственного механизма, который мы безуспешно строили и успешно доломали. Идет национализация крупнейших компаний, беспрецедентная по масштабам и скорости. Выяснилось, что банковская система является такой важной частью государства, что перед лицом ее проблем все разговоры о предпринимательстве и частной инициативе следует прекратить. Мы постарались было забыть – как оказалось, напрасно – недавние корпоративные скандалы, когда публичные корпорации, витрины капитализма, оказались вместилищем махинаций, коррупции и прочих управленческих пороков. Государственное вмешательство социалистических масштабов последовало незамедлительно.

Самое время припомнить стремительный рост популярности корпоративных систем управления по показателям типа BSC и KPI вполне в духе ранних госплановских методик.

Российские сторонники укрепления института частной собственности рукоплесканиями встретили декабрьскую 2007 года редакцию ФЗ «Об инвестиционных фондах», выстроилась огромная очередь управляющих компаний на регистрацию. А теперь давайте непредвзято вчитаемся в п. 2 статьи 11 главы III этого закона, списанного с западных образцов:

«Учредитель доверительного управления передает имущество управляющей компании для включения его в состав паевого инвестиционного фонда с условием объединения этого имущества с имуществом иных учредителей доверительного управления.

Имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд, является общим имуществом владельцев инвестиционных паев и принадлежит им на праве общей долевой собственности. Раздел имущества, составляющего паевой инвестиционный фонд, и выдел из него доли в натуре не допускаются.

Присоединяясь к договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом, физическое или юридическое лицо тем самым отказывается от осуществления преимущественного права приобретения доли в праве собственности на имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд. При этом соответствующее право прекращается».

Мы твердо убеждены, что возвратились на магистральный путь «развития частной собственности», в то время как реальный мейнстрим давно движется в противоположном направлении, заметно ускоряясь в кризисах.

Столпы рыночных реформ в России сказали и сделали все, что могли. Пришло время, отложив на будущее оценку их усилий, достижений и ошибок, начать с чистого листа, взглянуть на себя и вокруг открытыми глазами.

Глава II

Прощай, капитализм!

Частной собственности больше не существует

Близок капиталистический конец света. Пять крупнейших американских инвестбанков испарились за считанные дни, а их коммерческие собратья подвергаются огосударствлению в масштабах, и не снившихся большевикам. На самом западном Западе государство стало центральным игроком рынка и бодро превращается в играющего тренера. Вывод политиков однозначен: капитализму в старом понимании пришел конец, идеология рынка похоронена. Президент Франции Николя Саркози с трибуны председателя Евросоюза громогласно заявил: «Идеология диктатуры рынка и бессилия государств мертва, финансовый кризис положил ей конец». «Необходима новая форма капитализма, основанная на ценностях, которые ставят финансы на службу бизнесу и гражданам, а не наоборот. Система должна быть полностью модернизирована, и модернизация должна быть всемирной».

Бьет час капиталистической частной собственности? Экспроприаторов национализировуют?

Если строго подходить к акту именованию и не украшать, не глядя, табличкой «капитализм» все заборы западнее Бреста – этот час уж лет сто как пробил³.

Используя «капитализм» как имя конкретной теоретической модели – идеализации типа «динамической системы» либо «идеального газа», – приходится признать: типы экономики, чья суть, пусть грубо, могла быть схвачена этой абстракцией, исчезли в пламени мировых войн.

Капитализм же в обыденном понимании слова – это общество, где правят капиталисты, то бишь стальные, нефтяные, автомобильные магнаты, где пролетариат борется за свои права. Но в развитых странах Запады стальные и прочие магнаты остались лишь в художественной литературе. Последние реликты доживают свой век только у нас да в Индии. Гейтс и Баффет по роду деятельности имеют крайне мало общего с Джоном Рокфеллером. С пролетариатом дела обстоят не лучше.

Как ни крути, всевластие капитала плохо сочетается с могущественной Федеральной резервной системой, командующей банками, с Комиссией по ценным бумагам и биржам, держащей в строгости фондовый рынок. Не говоря уже о том, что сам фондовый рынок – институт по определению антикапиталистический. На фондовом рынке физические и юрлица покупают доли в собственности других и продают частицы своей. Этот мощнейший механизм как гидропушка каждодневно занят размытием устоев частной собственности. Как следствие, почти все крупные корпорации давно уже находятся в перекрестной собственности сотен, тысяч, сотен тысяч людей и являются не частными, а публичными (слово-то какое!). Об этом у нас не принято говорить и думать, но увы – от помещения головы в песок страус не становится капиталистичнее.

Наконец, сам фондовый рынок – опять-таки лишь по инерции сохраняет это название. Те, для кого «рынок» всюду, где торгуют или меняются, не отличат колхозный базар от обмена верительными грамотами. Ну с них и взятки гладки. Но если придавать словам хоть какой-то смысл, придется вспомнить, что среди аксиом неоклассики – представления об однородности, равнокачественности товаров на рынке, о том, что у всех покупателей есть бесплатная, мгновенная и полная ценовая информация. Представьте, что останется от этой модели, если

³ См.: Платонов С. После коммунизма. М., 1989.

каждому покупателю плеера придется по дороге к кассе глубоко изучить постановку управления качеством на заводе-изготовителе, предпринять исследование структуры и конъюнктуры электронной промышленности?

Но на фондовом рынке и это еще цветочки. Покупается ценная бумага – символический заменитель, финансовый инструмент, дающий доступ к участию в некой собственности. В этом смысле покупка акции никакого отношения к покупке брюк или брюквы не имеет. Это акт, требующий предварительного фундаментального анализа, где часто вообще непонятно, какая информация нужна, как ее раздобыть и как проверить достоверность. Приобретаемая собственность, кстати, вполне может относиться к классу «невидимых активов», ищи потом ветра в поле. В любом случае приобретение акции предваряется не только покупкой информационных услуг, но и щедрой оплатой работы аналитиков. Модели «рынка» ничего подобного не предусматривают.

С появлением фондового рынка ареал применимости понятия «капитализм» стал съезжаться на глазах. Смертельный удар капитализму нанес рузвельтовский New Deal перед Второй мировой войной. На месте буржуазного выросло совершенно иное общество, по многим параметрам противоположное.

Происходящее сегодня – очередной решительный шаг к новому типу посткапиталистических обществ. Не первый и не последний, но заметный рывок вперед. После рузвельтовской революции была кратковременная реакция, откат назад, когда к власти пришли неоконсерваторы и пытались романтично обличать порочность госрегулирования, требовать отмены излишней регламентации, но из этого ничего не вышло. Сегодня, видимо, накатила вторая волна революции, которая не церемонится даже с внешними капиталистическими приличиями и ритуалами.

Российский капитализм не дожил до совершеннолетия

Если и говорить о конце капитализма – то именно у нас, в России. Наш эндемичный капитализм оказался недолговечен. Он был директивно провозглашен и фактически начат «шоковой терапией» Гайдара в 1992 году. Но не продержался и двух десятилетий. И дождь – вкупе с вливаниями из государственных источников – смывает все следы.

В каком же смысле у нас был капитализм? И куда он подевался?

Когда после победы большевиков в 1917 году в Советской России заговорили о том, что мы, мол, строим социализм, Владимир Ильич первым сказал: а давайте разберемся сперва, кто такие эти «мы»? Ведь социализм-то у нас «в известном смысле». В стране, по понятиям Маркса, абсолютно не пригодной для социализма, к власти пришла группа товарищей, влюбленная в социализм идеологически и пытающаяся на зыбкой почве, «в одной отдельно взятой стране» соорудить нечто, напоминающее идею. Но жизнь брала свое: сначала разорила остатки фабричного уклада, потом заставила отменить военный коммунизм, потом – ввести НЭП, после – приступить к коллективизации, не предусмотренной никакой теорией социализма...

То, что у нас в 1990-х считалось российским капитализмом, конечно, снова было «капитализмом в известном смысле». В стране с фантастически сложным хозяйственным и политическим укладом к власти пришла группа господ, которые (наверняка из лучших побуждений) идеологически хотели «внедрить» капитализм, слабо представляя, что это такое и как его воткнуть в непознанную реальность. Так и просуществовал 16 лет в отдельно взятой России одинокий книжно-карикатурно-игрушечный капитализм в недоумевающем, а по ходу дела все более враждебном некапиталистическом окружении.

Дембольшевики – люди упорные, часть своих идеологических гвоздей в жизнь все-таки вколотили, в том числе сделали экономику «открытой» в меру своего понимания. В результате она сильнее всех пострадала от кризиса, разразившегося в другом полушарии. В то время как в эпицентре финансового урагана американский фондовый рынок упал на 15 процентов, наши индексы РТС и ММВБ обрушились более чем в три раза. Открытие российской экономики может оказаться наиболее запоминающимся нашим открытием в XX веке. Рыбки решили просверлить дно аквариума из любопытства, стремления к единству всего сущего и оптимизации поступления корма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.